

Связь позитивности и неопределенности этнической идентичности с посттравматическим личностным ростом у участников войны

Авагимян Айк

DOI: <https://doi.org/10.58726/27382915-2025.2hs-179>

Ключевые слова: *аффективность, валентность, отношение к другим, новые возможности, сила личности, духовные изменения, повышение ценности жизни*

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания психологических механизмов адаптации участников военных действий, где этническая идентичность выступает одним из ключевых ресурсов преодоления травмы. В условиях современных конфликтов важно изучить не только негативные последствия (ПТСР), но и позитивные трансформации личности – посттравматический рост (ПТР). Особую значимость приобретает анализ связи ПТР с этнической идентичностью, поскольку ее позитивность и определенность могут влиять на восприятие травмы и стратегии совладания.

Цель исследования – выявить взаимосвязь позитивности и неопределенности этнической идентичности с посттравматическим личностным ростом у участников боевых действий.

Гипотеза исследования – позитивность и неопределенность (размытость) этнической идентичности значимо связаны с уровнем посттравматического личностного роста (ПТР) у участников боевых действий, причем:

- Позитивность этнической идентичности (ПЭИ) выступает ресурсом, усиливающим ПТР, особенно в аспектах духовных изменений и повышения ценности жизни.
- Неопределенность этнической идентичности (НЭИ) негативно коррелирует с силой личности, но может опосредованно влиять на переоценку жизненных приоритетов.

Задачи:

1. оценить компоненты этнической идентичности у комбатантов и некомбатантов;
2. сравнить уровень ПТР в группах;
3. определить влияние временного контекста конфликтов;
4. провести корреляционный анализ между параметрами.

Новизна работы заключается в комплексном изучении этнической идентичности как фактора ПТР с учетом этнической принадлежности и хронологии военных событий. Впервые исследуется роль неопределенности идентичности в контексте роста, а также сравниваются данные армян, ассирийцев и езидов.

Теоретическая значимость – расширение представлений о механизмах ПТР через призму этничности, интеграция концепций социальной идентичности и посттравматического роста.

Практическая ценность – разработка программ психологической реабилитации ветеранов с учетом этнокультурных особенностей, усиление ресурсов идентичности для преодоления кризисов. Результаты могут быть использованы в работе с беженцами, ветеранами и мультиэтническими сообществами.

Содержание статьи

Этническая идентичность является одним из элементов социальной идентичности и представляет собой результат «когнитивно- эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов. Это не только осознание, но и восприятие, понимание, оценивание своей принадлежности к этнической общности» [6, 127].

Т.Г. Стефаненко предлагает рассматривать этническую идентичность не только как осознание индивидом своей принадлежности к определенному этносу, но и как переживание отношения Я и этнической среды – своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других [7].

Структуру этнической идентичности в современной этнопсихологии часто описывают по аналогии со структурой социальной установки, выделяя аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты [4]; [5]; [12]. Это вполне логично, так как этническая идентичность – это совокупность установок по отношению к собственной этнической группе. Ее структура напоминает структуру социальной установки, включая в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. По поводу правомерности выделения поведенческого компонента в структуре этнической идентичности в настоящее время высказываются некоторые сомнения [6, 127].

Исходя из теоретического представления о том, что этническая идентичность включает в себя когнитивный и аффективный компоненты, можно сказать, что указанные компоненты должны характеризоваться с помощью некоторых параметров или измерений. В качестве параметров, характеризующих данные компоненты идентичности, рассматриваются ее валентность и определенность. Соответственно, валентность (позитивность // негативность) этнической идентичности – это знак эмоциональной окрашенности аффективного компонента. Определенность – это в первую очередь степень ясности осознания себя представителем этнической группы, степень полноты знаний, представлений о культурных и психологических особенностях собственной группы.

В современной психологии при обсуждении проблем стресса, кризиса, конфликта, а также травмы, утраты, катастрофы главным образом исходят из негативной научной установки. Все перечисленные термины отсылают к негативной стороне человеческого существования, которую нужно перестрадать, пережить. При этом негативная психология несчастного, травмированного человека находится в связи с парадигмой психологии преодоления и совладания. И психотерапия рассматривается как терапия страдания независимо от того, как понимается источник этого страдания; из душевной, духовной или экзистенциальной сферы здорового или больного человека.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) является одним из наиболее подробно исследованных и распространенных негативных последствий психотравмы [1]; [8]. Однако, даже на фоне ПТСР, может происходить позитивная личностная трансформация, спровоцированная психотравмирующим событием [11]; [19]. Но она возможна только тогда, когда пострадавший оказывается способен занять осознанную и активную позицию по отношению к вызванной стрессом ситуации. Термин «посттравматический рост» (далее – ПТР) вошел в концептуальный аппарат исследователей психической травмы и общепринят в научной среде для обозначения позитивных изменений, вызванных трансформацией личности вследствие совладания с трудными жизненными ситуациями и кризисами [2]; [17]; [18]. Пионеры этих исследований Р. Тедески и Л. Кэлхун [16] дали определение ПТР, как процессу позитивных трансформаций, возникающих вследствие психотравмирующей жизненной ситуации или кризиса (появляются новые свойства и качества взамен утраченных, а также развиваются ранее не актуальные).

Одним из прародителей теории ПТР можно считать В. Франкла, который утверждал, что путем реализации свободы и ответственности, человек может обнаружить и реализовать смысл в любой конкретной ситуации, в том числе психотравмирующей [10]. Последнее время феномен ПТР вызывает особый интерес в научной среде, в связи с растущим вниманием к психологическим процессам, позитивно влияющим на психику человека. Американский ученый Г. Ричардсон в 2002 году описывает растущий интерес к ПТР как смещение вектора

парадигмы от «проблемно-ориентированного подхода к «воспитанию сильных сторон» [15].

Пострадавшие от психотравмирующего события объясняют связанные с ними позитивные личностные изменения либо как результат своеобразного обучения в процессе совладания со стрессом, либо как прямой результат произошедшего события. Прежде всего, ПТР описывает не процесс «выздоровления» и не возвращение к «предтравматическому уровню жизни», а делает акцент на использовании эмоционального стресса как «трамплина» для личностного роста [14].

Существуют две основные модели ПТР, которые основаны на концепции базисных убеждений и жизненных миров Р. Янофф - Бульман: «организмическая ценностная теория роста» [13] и модель ПТР, разработанная Р. Тедески и Л. Кэлхоуном [15]. Подчеркивается, что основным последствием ПТР является не только совладание со своими переживаниями, а также выход на новый, ранее не достижимый, уровень личностного развития.

Методики исследования:

1. Методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности (А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева) Данная методика включает две шкалы, каждая из которых состоит из четырех вопросов [9, 15-17]. Первая шкала позволяет оценить эмоциональный компонент этнической идентичности, точнее, валентность (эмоциональную окрашенность) этнической идентичности. Оценке подлежит степень позитивности этнической идентичности (ПЭИ). Позитивность этнической идентичности связана с чувством гордости, удовлетворения и эмоциональной ценности принадлежности к своей этнической группе. Высокие показатели свидетельствуют о сильной и положительной связи с этносом. Вторая шкала позволяет оценить, насколько ясно респондент ощущает себя представителем своего народа. Вопросы, составляющие данную шкалу, направлены на оценку степени неопределенности этнической идентичности (НЭИ) респондента. Неопределенность этнической идентичности указывает на внутренние конфликты, сомнения или недостаточную ясность в восприятии себя как представителя своего народа. Низкие показатели отражают уверенность и четкость идентичности, тогда как более высокие, возможные противоречия или размытость.

2. В качестве основного опросника методики исследования для оценки ПТР использовался Опросник посттравматического роста (ОПТР, Р. Тедески и Л. Кэлхоуна; адаптирован М.Ш. Магомед-Эминовым, 2004), который состоит из 21 вопроса и включает в себя общий показатель ПТР, который подразделяется на шкалы: «Отношение к другим», «Новые возможности», «Сила личности», «Духовные изменения», «Повышение ценности жизни» [3]; [16]. Опросник направлен на измерение степени выраженности ПТР, который понимается как рост личности в ситуации травматического стресса, сопровождаемый изменениями и приобретением качеств, которых не было до травматического события. ОПТР измеряет позитивные изменения личности после травматического опыта по пяти шкалам: отношение к другим (ОД), новые возможности (НВ), сила личности (СЛ), духовные изменения (ДИ), повышение ценности жизни (ПЦ). Максимальный средний показатель составляет 6 баллов. Общий показатель ПТР (ИНТ) представляет собой среднее значение по всем шкалам.

Достоверность результатов исследования обеспечивалась применением методов математической и описательной статистики, корреляционного анализа Спирмена.

Выборка исследования: 120 участников боевых действий разных лет и разных национальностей (армяне, ассирийцы и езиды) и 120 военнослужащих контрактной и срочной службы не участвовавшие в боевых действиях. *R1*– участники войны (n=120); *R1a*– участники войны армянской национальности (n=40); *R1b* – участники войны ассирийской национальности (n=40); *R1c* – участники войны езидской национальности (n=40); *R2*– военнослужащие не участвовавшие в боевых действиях (n=120); *R2a*–военнослужащие не участвовавшие в боевых действиях армянской национальности (n=40); *R2b*– военнослужащие не участвовавшие

шие в боевых действиях ассирийской национальности (n=40); R2c – военнослужащие не участвовавшие в боевых действиях езидской национальности (n=40).

В контрольной группе R1, мы также отделили подгруппы R1.1. – участники 1-ой Арцахской войны (1991-1994 г.) (n=34) ; R1.2. – участники четырехдневной войны (2016 г.) (n=27); R1.3. – участники 44-дневной войны (2020 г.) (n=38); R1.4. – участники боевых столкновений после 2020 г. (n=21).

Таблица 1.

Оценка позитивности и неопределенности этнической идентичности военнослужащих, участвовавших (R1) и не участвовавших (R2) в боевых действиях.

№	Группа	ПЭИ	НЭИ
1.	R1	4,2	2
1.1.	R1a	3,8	1.9
1.2.	R1b	4,7	2
1.3.	R1c	4,4	2
2.	R2	4.4	2.3
2.1.	R2a	4.3	2.2
2.2.	R2b	4.6	2.4
2.3.	R2c	4.5	2.2

Примечание: максимальный средний показатель – 5 баллов.

Данные, представленные в Таблице 1, отражают результаты оценки позитивности этнической идентичности (ПЭИ) и неопределенности этнической идентичности (НЭИ) у двух основных групп военнослужащих: R1 (участники боевых действий) и R2 (не участвовавшие в боевых действиях), с учетом их этнической принадлежности (армяне, ассирийцы, езиды).

Группа R1: Участники боевых действий

ПЭИ (4.2): Участники боевых действий демонстрируют высокую позитивность этнической идентичности, что говорит о сильной эмоциональной привязанности к своей этнической группе. Это может быть связано с тем, что участие в войне усиливает чувство принадлежности к своему народу, особенно в контексте коллективной борьбы или защиты национальных интересов.

НЭИ (2.0): Низкий уровень неопределенности указывает на четкое и уверенное восприятие своей этнической идентичности. Вероятно, военный опыт укрепил их осознание себя как части этнической общности, минимизировав сомнения.

R1a: Армяне

ПЭИ: Самый низкий показатель среди подгрупп R1 (3.8) может указывать на меньшую эмоциональную позитивность по сравнению с другими этническими группами. Это может быть связано с более сложным восприятием своей роли в военных событиях или с пережитыми травмами, которые снижают эмоциональную валентность идентичности.

НЭИ: Очень низкий уровень неопределенности, (1.9) говорит о высокой уверенности в своей этнической принадлежности. Это свидетельствует о том, что армяне имеют сильное историческое и культурное самосознание, которое усиливается в условиях войны.

У комбатантов армянской национальности наблюдается четкая идентичность, но эмоциональная позитивность может быть ослаблена стрессом или ответственностью, связанной с их ролью в конфликте.

R1b: Ассирийцы

ПЭИ: Самый высокий показатель (4.7) среди всех подгрупп свидетельствует о чрезвычайно сильной эмоциональной привязанности к своей этнической группе. Это может быть

обусловлено малочисленным статусом ассирийцев, что усиливает чувство гордости и единства в условиях войны.

НЭИ: Низкий уровень неопределенности (2.0) указывает на ясное осознание своей идентичности, возможно, как способа сохранения культурной уникальности в стрессовых условиях.

Комбатанты ассирийской национальности демонстрируют выраженную позитивную идентичность, что может служить защитным механизмом против травматического опыта войны.

R1c: Езиды

ПЭИ: Высокий показатель (4.4) отражает положительное отношение к своей этнической группе, близкое к ассирийцам. Это может быть связано с историческим опытом езидов как меньшинства, что укрепляет их идентичность в кризисных ситуациях.

НЭИ: Низкий уровень неопределенности (2.0) указывает на уверенность в своей принадлежности, что может быть усилено коллективным переживанием военных трудностей.

Езиды показывают сильную и стабильную идентичность, которая поддерживает их устойчивость в условиях войны.

Группа R2: Военнослужащие, не участвовавшие в боевых действиях

ПЭИ (4.4): Высокий уровень позитивности, немного выше, чем у R1, говорит о том, что отсутствие боевого опыта не снижает эмоциональную привязанность к этнической группе. Это может быть связано с мирным контекстом, который не осложняет восприятие идентичности травмами.

НЭИ (2.3): Чуть более высокий уровень неопределенности по сравнению с R1 указывает на меньшую ясность в этнической идентичности. Возможно, отсутствие экстремального опыта не способствует укреплению чувства принадлежности.

R2a: Армяне

ПЭИ: Высокий показатель (4.3), выше, чем у R1a (3.8), говорит о более позитивном восприятии идентичности в условиях отсутствия боевого стресса. Это может отражать культурную уверенность и гордость, не осложненные травмами.

НЭИ: Умеренный уровень неопределенности (2.2) указывает на стабильную, но не абсолютно четкую идентичность, что может быть связано с меньшей необходимостью самоутверждения в кризисных условиях.

Армяне без боевого опыта демонстрируют более позитивное отношение к своей идентичности, чем их боевые товарищи, что подчеркивает влияние стресса на эмоциональную валентность.

R2b: Ассирийцы

ПЭИ: Очень высокий показатель (4.6), близкий к R1b (4.7), подтверждает сильную эмоциональную привязанность ассирийцев к своей группе независимо от военного опыта.

НЭИ: Самый высокий уровень неопределенности среди всех подгрупп (2.4) может указывать на внутренние сомнения или меньшую консолидацию идентичности в мирное время.

Ассирийцы сохраняют высокую позитивность, но отсутствие боевого опыта может слегка размывать ясность их идентичности.

R2c: Езиды

ПЭИ: Высокий показатель (4.5), чуть выше, чем у R1c (4.4), говорит о сильной идентичности, которая остается позитивной вне боевого контекста.

НЭИ: Умеренная неопределенность (2.2) свидетельствует о стабильной идентичности с небольшими колебаниями, возможно, из-за меньшей необходимости мобилизации этнического самосознания.

Езиды демонстрируют устойчивую и позитивную идентичность, которая не сильно зависит от военного опыта.

Итак, позитивность этнической идентичности (ПЭИ) у некомбатантов R2 (4.4) значительно опережает комбатантов R1 (4.2), что может указывать на то, что отсутствие боевого стресса способствует более позитивному восприятию своей этнической группы. Участники войны (R1) могли пережить травмы, которые слегка снизили эмоциональную валентность их идентичности. Среди этнических групп ассирийцы (R1b: 4.7, R2b: 4.6) показывают наивысшую позитивность, что подчеркивает их устойчивую идентичность как меньшинства. Армяне (R1a: 3.8) имеют самый низкий показатель среди R1, что может быть связано с большей эмоциональной нагрузкой.

Неопределенность этнической идентичности (НЭИ) комбатантов R1 (2.0) демонстрирует более низкую неопределенность, чем R2 (2.3), что подтверждает гипотезу о том, что боевой опыт укрепляет ясность этнической идентичности. Экстремальные условия способствуют консолидации самосознания. Ассирийцы R2b (2.4) показывают наивысшую неопределенность, что может отражать меньшую потребность в четкой идентичности в мирное время.

Участники войны (R1) демонстрируют более низкую неопределенность (НЭИ), что указывает на укрепление идентичности в условиях кризиса. Однако их ПЭИ ниже, чем у R2, что может быть связано с травматическим опытом, снижающим эмоциональную позитивность. Низкая НЭИ у R1 подчеркивает адаптивную роль четкой идентичности в условиях войны, тогда как более высокая НЭИ у R2 может указывать на меньшую необходимость такой консолидации в мирное время.

Ассирийцы и езиды в обеих группах показывают более высокую позитивность (ПЭИ) по сравнению с армянами, что может быть обусловлено статусом меньшинств, для которых этническая идентичность становится источником силы и сплоченности. Армяне, как большинство, возможно, испытывают большую ответственность или стресс, что снижает их ПЭИ.

Таблица 2.

Оценка позитивности и неопределенности этнической идентичности военнослужащих, участвовавших (R1) в боевых действиях в разные годы.

<i>№</i>	<i>Группа</i>	<i>ПЭИ</i>	<i>НЭИ</i>
<i>1.</i>	<i>R1</i>	4,2	2
<i>2.</i>	<i>R1.1.</i>	4.5	2
<i>3.</i>	<i>R1.2.</i>	4,2	2.1
<i>4.</i>	<i>R1.3.</i>	4,1	1.9
<i>5.</i>	<i>R1.4</i>	3.8	2.2

Примечание: максимальный средний показатель 5 баллов.

Данные в Таблице 2 представляют собой результаты оценки позитивности этнической идентичности (ПЭИ) и неопределенности этнической идентичности (НЭИ) среди военнослужащих, участвовавших в боевых действиях в разные периоды (группа R1 и подгруппы R1.1–R1.4). Анализ проводится с учетом контекста участия в различных военных конфликтах и их влияния на этническую идентичность.

R1.1: Участники Первой Арцахской войны (1991–1994 гг.)

ПЭИ: Самый высокий показатель среди подгрупп (4.5) отражает чрезвычайно сильную позитивность этнической идентичности. Первая Арцахская война была периодом формирования национального самосознания и борьбы за независимость, а также завершилась победой, что, вероятно, укрепило чувство гордости и эмоциональной привязанности к своему народу.

НЭИ: Низкий уровень неопределенности (2.0) указывает на четкую и стабильную иден-

тичность. Участие в этом конфликте, возможно, стало ключевым фактором консолидации этнического самосознания в условиях экзистенциальной угрозы.

Высокая ПЭИ и низкая НЭИ свидетельствуют о том, что участники этого конфликта воспринимают свою этническую идентичность как источник силы и единства. Исторический контекст войны усиливает эмоциональную валентность и минимизирует сомнения.

R1.2: Участники Четырехдневной войны (2016 г.)

ПЭИ: Умеренно высокий показатель (4.2), соответствующий общему уровню R1, указывает на позитивное отношение к своей этнической группе. Краткосрочный, но интенсивный характер конфликта мог поддерживать чувство принадлежности, хотя его меньшая продолжительность, возможно, не оказала такого глубокого влияния, как более длительные войны.

НЭИ: Слегка повышенная неопределенность (2.1) по сравнению с R1.1 может отражать менее выраженную консолидацию идентичности из-за ограниченного времени конфликта или меньшей исторической значимости.

Участники Четырехдневной войны сохраняют позитивную идентичность, но краткость конфликта могла не дать такого же уровня сплоченности и уверенности, как в более длительных войнах. Незначительное повышение НЭИ может указывать на меньшую эмоциональную проработку опыта.

R1.3: Участники 44-дневной войны (2020 г.)

ПЭИ: Умеренно высокий показатель (4.1), чуть ниже среднего по R1, может быть связан с тяжелыми последствиями 44-дневной войны (поражение, потери территорий), что могло снизить эмоциональную позитивность идентичности. Несмотря на это, показатель остается высоким, что говорит о сохранении чувства принадлежности.

НЭИ: Самый низкий уровень неопределенности (1.9) среди подгрупп подчеркивает исключительную ясность идентичности. Интенсивный и трагический опыт войны, вероятно, усилил осознание себя как части этнической группы, даже несмотря на негативный исход.

Участники 44-дневной войны демонстрируют высокую уверенность в своей идентичности, что может быть защитным механизмом в условиях травматического опыта. Однако снижение ПЭИ указывает на возможное влияние поражения и стресса на эмоциональную валентность.

R1.4: Участники боевых столкновений после 2020 г.

ПЭИ: Самый низкий показатель среди подгрупп (3.8) говорит о наименьшей позитивности этнической идентичности. Это может быть связано с фрагментарным характером боевых столкновений, продолжающимся напряжением и неопределенностью после 2020 г., а также последствия 44-дневной войны, что ослабляет эмоциональную привязанность.

НЭИ: Самый высокий уровень неопределенности (2.2) указывает на некоторую размытость или сомнения в восприятии своей этнической принадлежности. Постоянная нестабильность и отсутствие четкого завершения конфликта могли повлиять на уверенность в идентичности.

Участники столкновений после 2020 г. демонстрируют снижение позитивности и рост неопределенности, что может отражать накопленный стресс, усталость и отсутствие консолидирующего эффекта масштабной войны.

Наивысшая позитивность наблюдается у участников Первой Арцахской войны (R1.1: 4.5), что подчеркивает роль исторического контекста и победного исхода в укреплении идентичности. Наименьшая позитивность у участников боевых столкновений после 2020 г. (R1.4: 3.8), что может быть связано с продолжающимся стрессом и отсутствием четкого разрешения конфликта. Участники 44-дневной войны (R1.3: 4.1) и Четырехдневной войны (R1.2: 4.2) занимают промежуточное положение, что отражает влияние интенсивности и исхода конфликта на эмоциональную валентность.

Наименьшая неопределенность у участников 44-дневной войны (R1.3: 1.9), что указывает на сильную консолидацию идентичности в условиях масштабного кризиса. Наибольшая неопределенность у участников столкновений после 2020 г. (R1.4: 2.2), что может быть связано с нестабильностью и отсутствием единого нарратива конфликта. R1.1 (2.0) и R1.2 (2.1) показывают стабильную, но не абсолютную ясность, что может быть обусловлено различиями в длительности и значимости конфликтов.

На основе полученных данных и их анализа, мы пришли к следующему выводу, что длительные и исторически значимые войны (R1.1, R1.3) способствуют более высокой ясности идентичности (низкая НЭИ), но их эмоциональная валентность зависит от исхода: победа (R1.1) усиливает позитивность, а поражение (R1.3) слегка снижает её. Краткосрочные (R1.2) или фрагментарные конфликты (R1.4) менее эффективны в консолидации идентичности и могут даже увеличивать неопределенность.

Участники более поздних конфликтов (R1.4) демонстрируют снижение ПЭИ и рост НЭИ, что может указывать на накопление психологической усталости и утрату оптимизма после череды напряженных событий. Высокая НЭИ у R1.4 также может быть связана с отсутствием завершенности конфликта, что вызывает внутренние противоречия в восприятии своей роли и принадлежности.

Низкая НЭИ у R1.3 (44-дневная война) подчеркивает адаптивную роль четкой идентичности как механизма совладания с травмами. Высокая ПЭИ у R1.1 (Первая Арцахская война) указывает на то, что успешный исход конфликта усиливает чувство гордости и единства, способствуя психологической устойчивости.

Таблица 3.

Оценка ПТР у военнослужащих, участвовавших (R1) и не участвовавших (R2) в боевых действиях.

№	Группа	ОД	НВ	СЛ	ДИ	ПЦ	ИНТ
1.	R1	3,8	3,1	3,7	3,8	4,3	3,7
<i>1.1.</i>	<i>R1a</i>	3,9	3,2	3,9	3,5	4	3,7
<i>1.2.</i>	<i>R1b</i>	3,5	3,7	3,7	3,4	5,1	3,8
<i>1.3.</i>	<i>R1c</i>	3,5	2,5	2,7	4,5	4,6	3,4
2.	R2	3,3	3,6	3,4	3,7	3,6	3,3
<i>2.1.</i>	<i>R2a</i>	2,9	3,5	3,4	4	3,8	3,4
<i>2.2.</i>	<i>R2b</i>	3,4	4,1	4,9	2,6	4,2	3,9
<i>2.3.</i>	<i>R2c</i>	4,3	3,5	2,9	4,2	4,1	3,8

Данные, представленные в Таблице 3, отражают результаты оценки посттравматического роста (ПТР) у военнослужащих, участвовавших (R1) и не участвовавших (R2) в боевых действиях, с учетом их этнической принадлежности (армяне, ассирийцы, езиды). Анализ проводится с учетом психологического значения этих факторов и влияния военного опыта.

Группа R1: Участники боевых действий

ОД (3.8): Умеренно высокий показатель указывает на усиление открытости и сострадания к другим, что может быть связано с коллективным опытом войны и необходимостью поддержки в экстремальных условиях.

НВ (3.1): Самый низкий показатель среди шкал R1 говорит о том, что новые возможности менее выражены. Это может быть обусловлено ограничениями, связанными с военными травмами или отношением государства, или фокусом на выживании, а не на развитии.

СЛ (3.7): Уверенность в своих силах и способность справляться с трудностями находятся на хорошем уровне, что отражает адаптацию к стрессу.

ДИ (3.8): Умеренно высокий показатель духовных изменений может быть связан с переосмыслением жизни в условиях близости к смерти.

ПЦ (4.3): Самый высокий показатель подчеркивает значительное повышение ценности жизни, что типично для людей, переживших травматические события.

Интегральный показатель ПТР (3.7): Выше среднего уровень ПТР указывает на заметный, но не максимальный рост личности, что может быть связано с балансом между позитивными изменениями и сохраняющимися последствиями травм.

R1a: Армяне

ОД (3.9): Высокий показатель говорит о росте открытости и зависимости от других, что может быть связано с сильной общинной поддержкой в армянской культуре.

НВ (3.2): Умеренно низкий уровень новых возможностей может отражать ограничения, связанные с травматическим опытом и отношением государства.

СЛ (3.9): Высокая уверенность в себе подчеркивает устойчивость и адаптивность.

ДИ (3.5): Умеренные духовные изменения могут указывать на меньшую религиозную переориентацию по сравнению с другими группами.

ПЦ (4.0): Высокая ценность жизни отражает переосмысление приоритетов.

Комбатанты армянской национальности демонстрируют сбалансированный рост с акцентом на силу личности и отношения с другими, но меньшим развитием новых возможностей и духовности.

R1b: Ассирийцы

ОД (3.5): Умеренный показатель может указывать на меньшую зависимость от других, возможно, из-за статуса меньшинства и большей самодостаточности.

НВ (3.7): Более высокое значение новых возможностей говорит о готовности к изменениям, что может быть связано с адаптацией к сложным условиям.

СЛ (3.7): Уверенность в себе на среднем уровне, что отражает устойчивость.

ДИ (3.4): Самый низкий показатель духовных изменений среди R1 может указывать на меньшую религиозную переориентацию.

ПЦ (5.1): Очень высокое значение подчеркивает исключительную переоценку ценности жизни, возможно, как защитный механизм меньшинства.

Ассирийцы показывают высокий рост в ценности жизни и новых возможностях, что может быть связано с их уникальным статусом и опытом выживания.

R1c: Езиды

ОД (3.5): Умеренный показатель говорит о некоторой открытости, но меньшей зависимости от других.

НВ (2.5): Самый низкий показатель новых возможностей среди всех групп может отражать ограничения, связанные с травмами или культурной замкнутостью.

СЛ (2.7): Низкая уверенность в себе указывает на возможные психологические последствия войны.

ДИ (4.5): Высокий показатель духовных изменений, вероятно, связан с религиозной традицией езидов и переосмыслением жизни.

ПЦ (4.6): Очень высокая ценность жизни подчеркивает значимость опыта войны для переоценки приоритетов.

Езиды демонстрируют сильный духовный рост и ценность жизни, но низкие показатели силы личности и новых возможностей могут указывать на сохраняющиеся травматические эффекты.

Группа R2: Не участвовавшие в боевых действиях

ОД (3.3): Умеренный показатель ниже, чем у R1, указывает на меньшую открытость и

зависимость от других, что может быть связано с отсутствием коллективного травматического опыта.

НВ (3.6): Более высокий показатель новых возможностей по сравнению с R1 говорит о большей свободе для развития интересов в мирных условиях.

СЛ (3.4): Умеренная уверенность в себе ниже, чем у R1, что может отражать отсутствие экстремальных испытаний, укрепляющих личность.

ДИ (3.7): Умеренные духовные изменения близки к R1, что может быть связано с общим культурным контекстом.

ПЦ (3.6): Умеренная ценность жизни ниже, чем у R1, указывает на меньшую переоценку приоритетов без травматического опыта.

ИНТ (3.3): Средний уровень ПТР ниже, чем у R1, что подтверждает связь посттравматического роста с реальным переживанием стресса.

R2a: Армяне

ОД (2.9): Низкий показатель говорит о меньшей открытости, возможно, из-за отсутствия необходимости в поддержке.

НВ (3.5): Умеренные новые возможности отражают потенциал для развития.

СЛ (3.4): Умеренная уверенность в себе близка к среднему уровню.

ДИ (4.0): Высокие духовные изменения могут быть связаны с культурной традицией.

ПЦ (3.8): Умеренная ценность жизни ниже, чем у R1a, из-за отсутствия травм.

Армяне без боевого опыта показывают умеренный рост с акцентом на духовность, но меньшей открытостью.

R2b: Ассирийцы

ОД (3.4): Умеренная открытость выше, чем у R2a, может отражать общинную ориентацию.

НВ (4.1): Высокий показатель новых возможностей указывает на готовность к переменам.

СЛ (4.9): Очень высокая уверенность в себе, возможно, связана со статусом меньшинства и самодостаточностью.

ДИ (2.6): Низкий показатель духовных изменений контрастирует с R1b.

ПЦ (4.2): Высокая ценность жизни близка к R1b.

Ассирийцы демонстрируют высокий рост в силе личности и новых возможностях, что может быть связано с их устойчивостью как меньшинства.

R2c: Езиды

ОД (4.3): Высокая открытость указывает на сильную социальную ориентацию.

НВ (3.5): Умеренные новые возможности близки к среднему уровню.

СЛ (2.9): Низкая уверенность в себе контрастирует с R1c.

ДИ (4.2): Высокие духовные изменения подчеркивают религиозную основу.

ПЦ (4.1): Высокая ценность жизни близка к R1c.

Езиды показывают сильную открытость и духовность, но меньшую силу личности без травматического опыта.

Сравнительный анализ:

ОД: R1 (3.8) выше R2 (3.3) – война усиливает зависимость от других.

НВ: R2 (3.6) выше R1 (3.1) – мирные условия способствуют новым возможностям.

СЛ: R1 (3.7) выше R2 (3.4) – травмы укрепляют уверенность.

ДИ: R1 (3.8) и R2 (3.7) близки – духовность зависит от культуры, а не только травм.

ПЦ: R1 (4.3) выше R2 (3.6) – травмы значительно повышают ценность жизни.

Общий уровень ПТР: R1 (3.7) выше R2 (3.3) – ПТР сильнее у участников войны.

Итак, R1 демонстрирует более высокий общий ПТР, особенно в шкалах ПЦ и ОД, что

подтверждает связь роста с переживанием стресса. Участники войны (R1) демонстрируют большее укрепление личности и ценности жизни, тогда как те, кто не участвовал (R2) – новые возможности и умеренную духовность. Ассирийцы (R1b, R2b) выделяются высокой ПЦ и НВ, езиды (R1c, R2c) – ДИ и ОД, армяне (R1a, R2a) показывают сбалансированный, но менее выраженный рост. Приведенные данные подчеркивают, как военный опыт способствует посттравматическому росту, особенно в аспектах ценности жизни и отношений с другими, с вариациями в зависимости от этнической принадлежности.

Таблица 4.

Оценка ПТР военнослужащих, участвовавших (R1) в боевых действиях в разные годы.

№	Группа	ОД	НВ	СЛ	ДИ	ПЦ	ИНТ
1.	R1	3,8	3,1	3,7	3,8	4,3	3,7
2.	R1.1.	4,5	3,4	4,2	3,4	3,7	4
3.	R1.2.	3,3	2,6	3,7	3,4	4,8	3,4
4.	R1.3.	3,8	3,1	3,9	3,6	4	3,7
5.	R1.4	3,3	2,8	3,5	4	4,9	3,5

Данные в Таблице 3 представляют результаты оценки посттравматического роста (ПТР) у военнослужащих, участвовавших в боевых действиях в разные годы (подгруппы R1.1–R1.4).

R1.1: Участники Первой Арцахской войны (1991–1994 гг.)

ОД (4.5): Самый высокий показатель среди подгрупп отражает значительную открытость и зависимость от других. Первая Арцахская война, как борьба за независимость и победа в ней усилила чувство общности и поддержки.

НВ (3.4): Умеренный показатель указывает на появление новых возможностей, что может быть связано с позитивным исходом войны и ощущением новых перспектив.

СЛ (4.2): Высокая уверенность в себе подчеркивает укрепление личности в условиях длительного конфликта с победным результатом.

ДИ (3.4): Умеренные духовные изменения ниже среднего по R1, что может указывать на меньшую религиозную переориентацию в сравнении с более поздними конфликтами.

ПЦ (3.7): Умеренно высокая ценность жизни ниже, чем в других подгруппах, возможно, из-за меньшего осознания смертности в сравнении с более интенсивными конфликтами.

Участники Первой Арцахской войны демонстрируют высокий общий ПТР с акцентом на отношения с другими и силу личности, что отражает позитивное влияние победы и сплоченности. Меньшая выраженность ПЦ и ДИ может быть связана с меньшей травматичностью или иным культурным контекстом того времени.

R1.2: Участники Четырехдневной войны (2016 г.)

ОД (3.3): Умеренно низкий показатель говорит о меньшей открытости, возможно, из-за краткосрочности конфликта и ограниченного времени для формирования глубоких социальных связей.

НВ (2.6): Самый низкий показатель новых возможностей среди подгрупп может отражать ограниченность перспектив из-за краткости и неопределенности исхода войны.

СЛ (3.7): Уверенность в себе на среднем уровне указывает на укрепление личности, несмотря на короткий конфликт.

ДИ (3.4): Умеренные духовные изменения близки к R1.1, что может быть связано с общим культурным фоном.

ПЦ (4.8): Очень высокая ценность жизни, вероятно, обусловлена интенсивностью и внезапностью конфликта, усилившими осознание хрупкости жизни.

Участники Четырехдневной войны показывают умеренный ПТР с сильным акцентом

на ценность жизни, но меньшим ростом в новых возможностях и отношениях с другими. Краткость конфликта ограничивает некоторые аспекты роста.

R1.3: Участники 44-дневной войны (2020 г.)

ОД (3.8): Умеренно высокий показатель близок к общему R1, указывая на рост открытости, возможно, из-за длительного коллективного опыта.

НВ (3.1): Умеренно низкий уровень новых возможностей может быть связан с поражением и последующей нестабильностью, ограничивающими перспективы.

СЛ (3.9): Высокая уверенность в себе подчеркивает устойчивость, несмотря на негативный исход войны.

ДИ (3.6): Умеренные духовные изменения близки к среднему уровню, что может отражать переосмысление в условиях кризиса.

ПЦ (4.0): Высокая ценность жизни ниже, чем у R1.2 и R1.4, но выше, чем у R1.1, что может быть связано с осознанием потерь, но без экстремального пика.

Участники 44-дневной войны демонстрируют сбалансированный ПТР с акцентом на силу личности и отношения с другими. Поражение могло ограничить новые возможности, но укрепило уверенность и ценность жизни.

R1.4: Участники боевых столкновений после 2020 г.

ОД (3.3): Умеренно низкий показатель указывает на меньшую открытость, возможно, из-за фрагментарности конфликтов и накопленного стресса.

НВ (2.8): Низкий уровень новых возможностей отражает продолжающуюся нестабильность и отсутствие четких перспектив.

СЛ (3.5): Умеренная уверенность в себе ниже, чем у других подгрупп, что может быть связано с усталостью от затяжного напряжения.

ДИ (4.0): Самый высокий показатель духовных изменений среди подгрупп подчеркивает переосмысление жизни в условиях хронического стресса.

ПЦ (4.9): Очень высокая ценность жизни, близкая к максимуму, указывает на сильное осознание хрупкости существования в условиях продолжающихся столкновений.

Участники столкновений после 2020 г. показывают умеренный ПТР с сильным акцентом на духовность и ценность жизни, но меньшим ростом в новых возможностях и отношениях, что может быть связано с накопленным стрессом и неопределенностью.

Сравнительный анализ подгрупп;

ОД: Наивысший показатель у R1.1 (4.5) – победа и длительность войны усилили социальные связи. Наименьший у R1.2 и R1.4 (3.3) – краткость или фрагментарность конфликтов ограничивают рост открытости.

НВ: Наивысший у R1.1 (3.4) – позитивный исход войны дал больше возможностей. Наименьший у R1.2 (2.6) – краткость конфликта ограничила перспективы.

СЛ: Наивысший у R1.1 (4.2) – длительная борьба укрепила личность. Наименьший у R1.4 (3.5) – усталость снизила уверенность.

ДИ: Наивысший у R1.4 (4.0) – хронический стресс усилил духовность. Наименьший у R1.1 и R1.2 (3.4) – меньшая травматичность снизила переосмысление.

ПЦ: Наивысший у R1.4 (4.9) и R1.2 (4.8) – интенсивность и нестабильность усилили ценность жизни. Наименьший у R1.1 (3.7) – меньшая угроза смерти снизила этот аспект.

Интегральный показатель ПТР: Наивысший у R1.1 (4.0) – победа и сплоченность обеспечили максимальный рост. Наименьший у R1.2 (3.4) – краткость конфликта ограничила ПТР.

На основе полученных результатов, можно сделать следующие выводы, что длительная война с победным исходом (R1.1) способствует максимальному ПТР, особенно в ОД и СЛ. Краткосрочные (R1.2) или фрагментарные конфликты (R1.4) усиливают ПЦ, но ограничивают

НВ и ОД. Масштабная война с поражением (R1.3) дает сбалансированный рост, но с меньшими перспективами. Высокая ПЦ у R1.2 и R1.4 подчеркивает влияние интенсивности и нестабильности на переоценку жизни. Низкая НВ у всех подгрупп может указывать на сохраняющиеся последствия травм, ограничивающие развитие. R1.1 демонстрирует наибольшую адаптивность благодаря позитивному исходу. R1.4 показывает рост духовности как механизм совладания с хроническим стрессом. Эти данные подчеркивают, как характер и исход конфликта влияют на посттравматический рост, с вариациями в зависимости от длительности, интенсивности и контекста военных событий.

Таблица 5.

Корреляционный анализ позитивности и неопределенности этнической идентичности со шкалами ПТР и его интегральным показателем в группах R1 и R2

№	Шкалы ПТР	ПЭИ		НЭИ	
		R1	R2	R1	R2
1.	Отношение к другим (ОД)	0.186*	0.040	0.097	0.116
2.	Новые возможности (НВ)	-0.006	-0.049	-0.096	-0.235*
3.	Сила личности (СЛ)	0.187*	-0.117	-0.246**	-0.046
4.	Духовные изменения (ДИ)	0.221*	0.154*	-0.008	0.106
5.	Повышение ценности жизни (ПЦ).	0.363***	-0.131	0.227**	0.382***
6.	Интегральный показатель ПТР	0.317***	-0.118	0.057	0.087

Примечания: * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; ***- $p \leq 0,001$,

Данные в Таблице 5 представляют результаты корреляционного анализа между позитивностью этнической идентичности (ПЭИ), неопределенностью этнической идентичности (НЭИ) и шкалами посттравматического роста (ПТР) в двух группах: R1 (участники боевых действий, комбатанты, $n=120$) и R2 (военнослужащие без боевого опыта, $n=120$). Корреляции оценивались с использованием коэффициента корреляции Спирмена, где значимость обозначена уровнями: * ($p \leq 0,05$), ** ($p \leq 0,01$), *** ($p \leq 0,001$). Анализ проводится с учетом психологического значения ПЭИ (эмоциональная привязанность к этнической группе), НЭИ (ясность идентичности) и шкал ПТР, а также различий между группами.

Группа R1: Участники боевых действий

ПЭИ (Позитивность этнической идентичности) и ОД (0.186*, $p \leq 0,05$): Очень слабая положительная связь указывает, что чем выше позитивность идентичности, тем больше участники склонны к открытости и состраданию. Это может быть связано с тем, что сильная этническая привязанность усиливает чувство общности в условиях войны.

ПЭИ (Позитивность этнической идентичности) и СЛ (0.187*, $p \leq 0,05$): Слабая положительная корреляция говорит о том, что позитивная идентичность поддерживает уверенность в себе и способность справляться с трудностями.

ПЭИ (Позитивность этнической идентичности) и ДИ (0.221**, $p \leq 0,05$): Слабая связь подчеркивает, что позитивная идентичность способствует духовному переосмыслению, возможно, через коллективные ценности.

ПЭИ (Позитивность этнической идентичности) и ПЦ (0.363***, $p \leq 0,001$): Умеренная корреляция указывает, что позитивная идентичность значительно повышает ценность жизни, вероятно, как защитный механизм после травм.

ПЭИ (Позитивность этнической идентичности) и Интегральный показатель ПТР (0.317***, $p \leq 0,001$): Умеренная положительная связь с общим ПТР подтверждает, что ПЭИ является важным ресурсом роста у комбатантов.

У R1 позитивная этническая идентичность выступает ресурсом для посттравматиче-

ского роста, особенно в аспектах ценности жизни, духовности и отношений с другими. Это может быть связано с консолидацией идентичности в условиях войны, где этническая принадлежность становится источником силы и поддержки.

НЭИ (Неопределенность этнической идентичности) и СЛ (-0.246^{**} , $p \leq 0.01$): Слабая отрицательная корреляция указывает, что чем выше неопределенность, тем ниже уверенность в себе. Сомнения в идентичности могут подрывать способность справляться с трудностями.

НЭИ (Неопределенность этнической идентичности) и ПЦ (0.227^{**} , $p \leq 0.01$): Слабая положительная связь неожиданна: более высокая неопределенность связана с большей ценностью жизни. Это может отражать компенсаторный механизм, где сомнения в идентичности усиливают осознание хрупкости жизни.

Неопределенность идентичности у R1 негативно влияет на силу личности, но неожиданно усиливает ценность жизни, возможно, через тревогу или переосмысление приоритетов. Её влияние на общий ПТР ограничено.

Группа R2: Военнослужащие без боевого опыта

ПЭИ (Позитивность этнической идентичности) и ДИ (0.154^* , $p \leq 0.05$): Очень слабая положительная связь указывает, что позитивная идентичность способствует духовным изменениям, возможно, через культурные ценности.

У R2 позитивная этническая идентичность имеет минимальное влияние на ПТР, кроме слабой связи с духовностью. Без боевого опыта она не становится значимым фактором роста.

НЭИ (Неопределенность этнической идентичности) и НВ (-0.235^{**} , $p \leq 0.05$): Слабая отрицательная корреляция указывает, что чем выше неопределенность, тем меньше новых возможностей. Сомнения в идентичности могут ограничивать инициативность.

НЭИ (Неопределенность этнической идентичности) и ПЦ (0.382^{***} , $p \leq 0.001$): Умеренная положительная связь показывает, что неопределенность значительно повышает ценность жизни, возможно, через тревожность или осознание нестабильности.

У R2 неопределенность идентичности ограничивает новые возможности, но усиливает ценность жизни, возможно, как реакция на внутренние конфликты. Её роль в общем ПТР незначительна.

R1 демонстрирует более сильную связь ПЭИ с ПТР, что подчеркивает адаптивную роль идентичности в условиях травм. R2 показывает меньшую зависимость ПТР от идентичности, но неожиданную роль НЭИ в повышении ПЦ, что может быть связано с внутренними конфликтами в мирное время. Эти результаты подчеркивают, что этническая идентичность становится значимым фактором посттравматического роста только в условиях реального травматического опыта, тогда как в мирной жизни её влияние ограничено или проявляется через тревожность.

Заключение

1. Компоненты этнической идентичности

Участники боевых действий демонстрируют более низкую неопределенность этнической идентичности по сравнению с некомбатантами, что подтверждает гипотезу об укреплении ясности идентичности в условиях кризиса.

Позитивность этнической идентичности у комбатантов ниже, чем у некомбатантов, что может быть связано с травматическим опытом, снижающим эмоциональную валентность.

Этнические меньшинства (ассирийцы, езиды) проявляют более высокую позитивность этнической идентификации, чем армяне, что подчеркивает роль идентичности как защитного ресурса для меньшинств.

2. Уровень посттравматического роста (ПТР)

У комбатантов интегральный показатель ПТР выше, чем у некомбатантов, особенно в шкалах «Повышение ценности жизни» и «Отношение к другим».

Ассирийцы демонстрируют максимальные значения в «Повышении ценности жизни», эзиды – в «Духовных изменениях», что отражает этнокультурные особенности адаптации.

3. Влияние временного контекста конфликтов

Участники победной войны имеют наивысшую позитивную этническую идентичность и ПТР, что подтверждает роль позитивного исхода в укреплении идентичности и роста.

Поражения снижают позитивную этническую идентичность, но усиливают определенность идентичности, демонстрируя адаптивную роль четкого самосознания.

Хронические конфликты приводят к снижению позитивной этнической идентичности и росту неопределенности этнической идентичности, что связано с накоплением стресса и отсутствием завершенности.

4. Корреляционный анализ

Позитивность этнической идентичности (ПЭИ) у комбатантов значимо коррелирует с ПТР, особенно с «Повышением ценности жизни» и «Духовными изменениями», подтверждая ее роль как ресурса роста.

Неопределенность идентичности (НЭИ) у комбатантов отрицательно связана с «Силой личности», но неожиданно усиливает «Ценность жизни», что может отражать компенсаторные механизмы.

В мирных условиях связь позитивной этнической идентичности с ПТР слабее, а неопределенность этнической идентичности снижает «Новые возможности», подчеркивая различие механизмов адаптации в травматическом и обыденном контекстах.

Исследование подтвердило, что этническая идентичность выступает ключевым фактором посттравматического роста у участников боевых действий. Позитивность идентичности влияет на ценность жизни и духовные изменения, а ее определенность служит защитой в условиях кризиса. Этнокультурные особенности (статус меньшинства, исторический контекст) и исход конфликтов (победа/поражение) модулируют эти процессы. Результаты обосновывают необходимость учета этнической идентичности в программах реабилитации ветеранов, акцентируя ее роль в преодолении травмы и личностной трансформации.

DOI: <https://doi.org/10.58726/27382915-2025.2hs-179>

Литература

1. Ахмедова Х. Б. Посттравматические личностные изменения у гражданских лиц, переживших угрозу жизни // Вопросы психологии, 2004, № 3, с. 93-103.
2. Леонтьев Д. А. Удары судьбы как стимулы личностного развития: феномен посттравматического роста. // Жизнеспособность человека. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН, 2016, с. 144-158.
3. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен посттравматического роста. Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки, 2009, вып.3 (71), с. 111-117.
4. Павленко В.Н., Таглин С.А. Общая и прикладная этнопсихология: Учебное пособие. Москва, 2005, - 483с.
5. Солдатова Г.У. Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация// Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов. Москва, 1996, с. 296-366.
6. Стефаненко Т. Г. Поведенческий компонент этнической идентичности: за и против// Кризис идентичности и проблема становления гражданского общества. Ярославль, 2003, с. 127-134.

7. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Институт психологии РАН, «Академический проект», Москва, 1999, - 320 с.
8. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса, Санкт-Петербург, 2001, - 272 с.
9. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии: учеб. -метод. Пособие, Москва: ИД высшей школы экономики, 2011, 238 с. 15-17.
10. Франкл В. Воля к смыслу. Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, Москва, 2000, - 368 с.
11. Харламенкова Н. Е. Компенсация как один из механизмов психического развития личности. Изд-во «Институт психологии РАН», Москва, 2015, - 479 с.
12. Хотинец В. Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002, -122 с.
13. Park C. L., Cohen L. H., Murch R. L. Assessment and prediction of stress-related growth //Journal of Personality, 1996, №64, p.71- 105.
14. Richardson G. E. The metatheory of resilience and resiliency //Journal of Clinical Psychology, 2002, № 58, p. 307-321.
15. Tedeschi R. G., & Calhoun L. G. The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the positive legacy of trauma, 1996, №9, p. 455-471.
16. Tedeschi R. G., Calhoun L. G. Trauma and transformation: Growing in the aftermath of suffering, 1995, - 175 p.
17. Tedeschi R. G., Shakespeare-Finch J., Taku K. Posttraumatic growth: Theory, research and applications. New York: Routledge, 2018, - 256 p.
18. Zoellner T., Maercker A. Posttraumatic growth in clinical psychology: Clinical Psychology Review, 2006, № 26, p. 626-653.

Պատերազմի մասնակիցների էթնիկական նույնականության դրականության և անորոշության կապը հետտրավմատիկ անձնային աճի հետ

Ավագիմյան Հայկ

Ամփոփում

***Հանգուցային բառեր.** ազդեցություն, վայելստություն, վերաբերմունք ուրիշների նկատմամբ, նոր հնարավորություններ, անձնային ուժ, հոգևոր փոփոխություններ, կյանքի արժեքի բարձրացում:*

Հոդվածը նվիրված է պատերազմի մասնակիցների մոտ էթնիկական նույնականության պոզիտիվության և անորոշության կապի ուսումնասիրությանը հետտրավմատիկ անձնային աճի (ՀՏԱ) հետ: Օգտագործվել են էթնիկական նույնականության գնահատման մեթոդիկա (Ա. Ն. Տատարկո, Ն. Մ. Լեբեդևա) և ՀԱ-ի հարցաշար (R. G. Tedeschi, L. G. Calhoun, հարմարեցված՝ Մ. Շ. Մագուեդ-Էմինով): Կոմբատանտները ցույց են տվել էթնիկական նույնականության ավելի ցածր անորոշություն, ինչը հաստատում է նույնականության որոշակիության ամրապնդումը արտակարգ պայմաններում, սակայն պոզիտիվությունը ավելի ցածր է, ինչը կապված է տրավմատիկ փորձառության հետ: Էթնիկական փոքրամասնությունների (ասորիներ, եզդիներ) մոտ ավելի բարձր է պոզիտիվությունը, քան հայերի, ինչն ընդգծում է նույնականության դրաժեղությունը և հետադարձ ազդեցությունը փոքրամասնությունների համար: Կոմբատանտների մոտ ՀՏԱ-ի ընդհանուր ցուցանիշն ավելի բարձր է, հատկապես «Կյանքի արժեքի բարձրացում» և «Վերաբերմունք ուրիշների նկատմամբ» սանդղակներում: Ասորիներն առանձնանում են «Կյանքի արժեքի բարձրացում» սանդղակի առավելագույն արժեքով, եզդիները՝ «Հոգևոր փոփոխություններ»-ով: Հաղթանակը (Արցախյան պատերազմ) ուժե-

դացնում է էթնիկական նույնականության պոզիտիվությունն ու ՀՏԱ-ն, պարտությունը (44-օրյա պատերազմ) նվազեցնում է պոզիտիվությունը, բայց ամրապնդում է անորոշությունը: Քրոնիկ հակամարտությունները (2020 թ.-ից հետո) նվազեցնում են պոզիտիվությունը և բարձրացնում անորոշությունը: Կոմբատանտների մոտ էթնիկական նույնականության պոզիտիվությունը զգալիորեն կապված է «Կյանքի արժեքի բարձրացման» և «Հոգևոր փոփոխությունների» հետ: Նույնականության անորոշությունը բացասաբար կապված է «Անձնային ուժ» սանդղակի հետ, սակայն անսպասելիորեն ուժեղացնում է «Կյանքի արժեքի բարձրացումը»: Էթնիկական նույնականությունը ՀՏԱ-ի առանցքային գործոններից է, հատկապես տրավմայի պայմաններում: Պոզիտիվությունը նպաստում է կյանքի վերագնահատմանը, իսկ որոշակիությունը՝ կայունությանը: Արդյունքները հիմնավորում են էթնոմշակութային բաղադրիչի ինտեգրումը վետերանների վերականգնման ծրագրերում:

The Relationship between Positive and Uncertain Ethnic Identity and Post-Traumatic Personal Growth among War Participants

Avagimyan Hayk

Summary

Key words: *affectivity, valence, attitude toward others, new opportunities, personal strength, spiritual changes, increased value of life*

The article examines the relationship between the positivity and uncertainty of ethnic identity and post-traumatic personal growth (PTG) among war participants. The Ethnic Identity Assessment Method (A.N. Tatarko, N.M. Lebedeva) and the Post-Traumatic Growth Inventory (R.G. Tedeschi, L.G. Calhoun, adapted by M.Sh. Magomed-Eminov) were utilized. Combatants exhibited lower uncertainty in ethnic identity, confirming its consolidation in crisis conditions, though positivity was lower due to traumatic experiences. Ethnic minorities (Assyrians, Yazidis) showed higher positivity than Armenians, highlighting identity as a resource for minorities. Combatants demonstrated a higher overall PTG score particularly in the "Appreciation of Life" and "Relating to Others" scales. Assyrians stood out with the highest value in "Appreciation of Life," while Yazidis excelled in "Spiritual Changes." Victory (Artsakh War) enhanced ethnic identity positivity and PTG, whereas defeat (44-Day War) reduced positivity but increased uncertainty. Chronic conflicts (post-2020) diminished positivity and heightened uncertainty. Among combatants, ethnic identity positivity significantly correlated with "Appreciation of Life" and "Spiritual Changes." Uncertainty negatively correlated with "Personal Strength" but unexpectedly amplified "Appreciation of Life." Ethnic identity emerges as a key factor in PTG, especially under trauma. Positivity fosters life reappraisal, while certainty supports resilience. The findings justify integrating ethnocultural components into veteran rehabilitation programs.

Ներկայացվել է 23. 03. 2025 թ.

Գրախոսվել է 15. 09. 2025 թ.

Ընդունվել է տպագրության 26. 11. 2025 թ.